

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. xviii + 772 p. ISBN 978-3-11-022036-0

Дитранзитивными конструкциями в лингвистической типологии называют структуры с тремя ядерными актантами – Агентом (A), Темой (T) и Реципиентом (R), – выражающие перемещение (реальное или абстрактное, метафоризованное) Темы от Агента к Реципиенту. Прототипический пример дитранзитивной конструкции – предложение с глаголом *дать*, например: *Она (A) дала мне (R) книгу (T)*. Начало систематическому типологическому изучению дитранзитивных и родственных им конструкций было положено в статье [Dryer 1986], где впервые были выделены основные стратегии кодирования актантах таких конструкций, аналогичные широко известным стратегиям кодирования участников двухактантных переходных (монотранзитивных) ситуаций – аккумулятивной, эргативной и т.д. Положения статьи М. Драйера были развиты и дополнены в таких работах, как [Croft 1990; Siewierska 2003; 2004; Haspelmath 2005a; 2005b]. К середине 2000-х годов библиография по дитранзитивным конструкциям и смежным вопросам стала весьма обширной; отмечу имеющие непосредственное отношение к данной проблематике статью [Austin, Margetts 2007] о типологии трехактантных конструкций вообще, ряд статей финского лингвиста С. Киттиля [Kittilä 2005, 2006a; 2006b; 2006c; 2008], статьи [Gensler 2003; Siewierska, Bakker 2007; Heine, König 2010] о порядке элементов дитранзитивных конструкций (именных групп и глагольных местоимений), сборник [Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010], посвященный бенефактивным конструкциям, нередко устроенным по дитранзитивной модели. Рецензируемая книга «Исследования по дитранзитивным конструкциям» не только подводит итог международному исследовательскому проекту, выполнявшемуся на лингвистическом отделении Института эво-

люционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге (Германия), но и служит важной и вполне закономерной вехой в типологическом изучении дитранзитивных конструкций, суммируя и обобщая значительный массив данных и идей, накопленных в науке на сегодняшний день.

Структура сборника во многом копирует традиционную структуру коллективных монографий, издаваемых Петербургской типологической школой (например [Храковский (ред.) 2009])¹. Книгу открывают обобщающая статья² редакторов «Типологический обзор дитранзитивных конструкций» (с. 1–64), вводящая читателя в проблематику дитранзитивных конструкций и излагающая наиболее важные аспекты их типологии и центральные проблемы их изучения, и анкета для типологически-ориентированного изучения таких конструкций в конкретном языке (с. 65–73). Основную часть сборника составляют двадцать четыре статьи, описывающие дитранзитивные конструкции в конкретных языках, локализованных в Африке, Евразии, Австралии и Океании и в Новом Свете. В двух статьях дитранзитивные конструкции изучаются не в конкретном языке, а в целых языковых семьях – восточно-кавказской (статья М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой) и тунгусо-маньчжурской (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова). Стоит отметить явный «перекос» сборника в сторону «экзотических» и малоизученных языков и от-

¹ Оглавление сборника доступно на сайте издательства: <http://www.degruyter.de/cont/imp/mouton/detailEn.cfm?id=IS-9783110220360-1>

² Электронный вариант статьи, близкий к опубликованному, доступен в Интернете по адресу: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/DitransitiveOverview.pdf>

сутствие в нем статей о европейских языках, что кажется в принципе оправданным (индоевропейская семья представлена иранским языком вафси); труднее понять, почему Австралия представлена в сборнике лишь одним языком, в то время как Африка – шестью, хотя в целом сборник довольно равномерно охватывает географическое и генетическое разнообразие языков.

Хотя с теоретической точки зрения книга весьма гомогенна (авторы в целом принимают функционально ориентированный типологический подход), стоит отметить, что не во всех статьях основные понятия определяются одинаково. Так, Б. Бикель с соавторами в статье о тибетских языках чинтан и белхаре не проводят различия между собственно дитранзитивными конструкциями и трехактантными структурами вообще, и в результате в статье рассматривается значительно более обширный материал.

В силу особенностей композиции книги в данной рецензии я уделю основное внимание изложению содержания обобщающей вводной статьи и лишь бегло остановлюсь на наиболее интересных аспектах статей о конкретных языках.

В начале статьи А. Мальчуков, М. Хаспельмат и Б. Комри дают определение дитранзитивной конструкции, совпадающее с открывающим данную рецензию. Следует особо отметить чисто семантический характер этого определения, не апеллирующего ни к каким морфосинтаксическим понятиям вроде прямого или непрямого объекта, поскольку последние всегда определяются для системы конкретного языка (см. [Haspelmath 2010; 2011] о противопоставлении конкретно-языковых и универсально-типологических понятий в лингвистике). Авторы эксплицитно отделяют дитранзитивные конструкции, понимаемые как связанные с семантикой перехода Темы от Агенса к Реципиенту, от других типов трехактантных конструкций (как уже было сказано выше, этим их подход отличается от представленного в статье Б. Бикеля с соавторами), таких как, например, конструкции с инструментом, с третьим участником-местом и т.п. Как уже говорилось выше, типичные представители дитранзитивных конструкций содержат глаголы с семантикой 'дать', 'дать взаймы', 'продать', 'вернуть (взятое)'; кроме того, А. Мальчуков с соавторами относят к дитранзитивным конструкции с метафорической передачей, такие как 'показать', 'сказать', 'завещать' и 'обещать', которые во многих языках кодируются подобно конструкциям с глаголом 'дать'. Как отмечают авторы, дитранзитивные глаголы в конкретных языках гораздо малочисленней монотранзи-

тивных и обычно демонстрируют более разнообразное поведение. Есть даже языки, например, цоциль (семья майя) или адыгейский, где вообще нет морфологически непроемких дитранзитивных глаголов.

В статье с типологической точки зрения изучаются следующие характеристики дитранзитивных конструкций: основные стратегии кодирования (*alignment types*, т.е. наиболее общие типы одинакового vs. различного кодирования актантов) и морфосинтаксического оформления (*encoding strategies*, т.е. более конкретные виды конструкций) и их вариации, морфосинтаксические свойства (*behavioural properties*, т.е. поведение конструкций по отношению к таким явлениям, как пассивизация, релятивизация, номинализация и т.п.), лексико-семантические характеристики. Рассмотрим их по порядку.

Понятие базовой стратегии кодирования (*alignment type*) было введено в типологию в середине XX в. в качестве обобщения и уточнения таких понятий, как номинативно-аккузативная и эргативная конструкции, различающиеся тем, с кодированием какого из актантов монотранзитивного предиката совпадает оформление субъекта непереходной конструкции (см. в первую очередь работы [Comrie 1978; Кибрик 1979], хотя впервые данная идея была как таковая выдвинута, видимо, в статье [Fillmore 1968]). Как уже было сказано, на дитранзитивные конструкции понятие *alignment* было распространено в первую очередь после статьи [Dryer 1986]. Драйер выделил две стратегии кодирования, которые он назвал стратегией с прямым и непрямым объектами (в ней дитранзитивный актант с ролью Т отождествляется с монотранзитивным пациенсом Р в качестве прямого объекта, а дитранзитивный R кодируется отлично от них в качестве непрямого объекта) и стратегией с первичным и вторичным объектами (здесь, напротив, с Р объединяется R в качестве первичного объекта, а Т кодируется иначе в качестве вторичного объекта). Эти стратегии можно проиллюстрировать следующими русскими предложениями: *Он подарил мне* (R, не прямой объект) *книгу* (Т, прямой объект) и *Он одарил меня* (R, первичный объект) *книгой* (Т, вторичный объект). Первое полностью систематическое типологическое изучение стратегий кодирования актантов дитранзитивных конструкций было предпринято М. Хаспельматом [Haspelmath 2005a; 2005b], и он же предложил используемую в рецензируемом сборнике и постепенно становящуюся общепринятой терминологию.

Итак, выделяются три основные и две крайне редкие стратегии кодирования актантов

дитранзитивных конструкций, схематически показанные на рис. 1. Стратегию с прямым и косвенным объектами (T = P vs. R) М. Хаспель-

мат предложил называть **индирективной**, а стратегию с первичным и вторичным объектами (R = P vs. T) – **секундативной**.

Рис. 1. Базовые стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций

Контрастивная и горизонтальная стратегии оформления в дитранзитивных конструкциях еще более редки, чем в монотранзитивных, и практически не представлены надежными примерами, поэтому в дальнейшем авторы рассматривают лишь первые три наиболее хорошо засвидетельствованные стратегии. Стратегии кодирования, как известно, могут проявляться в зависимостном маркировании (flagging, т.е. в оформлении именных групп падежами или предлогами/ послелогоми), в вершинном маркировании (indexing, т.е. в согласовании в глаголе или индексировании участников при помощи глагольных местоименных аффиксов или клитик) и в порядке слов, причем в одном и том же языке разные типы кодирования могут следовать разным стратегиям. Несмотря на то что в языках мира представлены практически все логически возможные комбинации трех базовых стратегий с тремя основными типами кодирования, существуют сильные типологические тенденции в их распределении (подробнее см. [Haspelmath 2005a], где приводится и статистика). Так, зависимостное маркирование тяготеет к индирективной стратегии, а вершинное – к секундативной, что проявляется в частотных случаях несоответствия (mismatch) в оформлении, ср., например, амхарские примеры (1a) и (1b) [Amberber 2009: 745, 747]³.

- (1). a. *lämma* *ṭärmus-u-n*
Лемма бутылка-DEF-ACC
*säbbär-ä-w*_i
разбить:PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
'Лемма разбил бутылку (P)'⁴.

³ Транскрипция примеров приведена в соответствии с традицией.

⁴ В примерах используются следующие сокращения: ACC – аккузатив, DAT – датив, DEF – определенность, DET – детерминатор, DSG – деизигнатив, M – мужской род, OBJ – объект, POSS – посессивность, PRF – перфект, SBJ – субъект, SG – единственное число.

- b. *lämma* *lä-ləḡḡ-u*_i
Лемма DAT-ребенок-DEF
māṣhaf-u-n
книга-DEF-ACC
*säṭṭ-ä-w*_i
дать:PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
'Лемма дал ребенку (R) книгу (T)'.

Три основные стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций семантически мотивированы: индирективная отражает сходства семантических ролей T и P (оба обладают пациентивными свойствами, в отличие от R), секундативная связана с одушевленностью (для P и в особенности для R нормально быть одушевленными, в отличие от T), а нейтральная – с противопоставлением всех трех «объектных» ролей агенсу. «Склонность» разных типов маркирования к той или иной стратегии объясняется тем, что падежи типологически тяготеют к выражению семантических ролей, а глагольное согласование нередко ориентировано на противопоставления по «выделенности», включая одушевленность.

Помимо наиболее распространенных типов морфосинтаксического оформления – зависимостного маркирования, глагольного индексирования и порядка слов, – дитранзитивные конструкции во многих языках используют сериализацию (сочетание двух одинаково оформленных глаголов, образующих единую предикацию; типологический обзор сериализации в дитранзитивных и бенефактивных конструкциях см. в статье [Creissels 2010]), ср. пример (2) из языка фонгбе (семья ква, Бенин) (с. 13), и более редкую стратегию с оформлением одного из участников в качестве приименного зависимого другого, ср. пример (3) из эвенского языка (с. 15).

- (2) *Kòkú só asón ó*
Коку взять краб DET
ná Ásibá.
дать Асиба
'Коку дал краба (T) Асибе (R)'
(букв. «Коку взял краба (и) дал Асибе»).

- (3) *Etiken kunga turki-ga-n*
 старик ребенок сани-DSG-3SG.POSS
etun.
 привез
 'Старик привез ребенку (R) сани (T)'
 (букв. «сани (предназначенные для)
 ребенка»).

Отдельно разбираются типологические закономерности порядка слов в дитранзитивных конструкциях. Во-первых, отмечается сильная тенденция помещать и T, и R контактно по одну сторону от сказуемого; яркое исключение составляют языки семьи манде, где R оформляется как косвенный объект при порядке S–(Aux)–O–V–прочие. Во-вторых, оказывается, что взаимный порядок T и R нетривиальным образом связан с характером их падежного оформления: если оба объекта неоформлены, то обычно R предшествует T (что, видимо, связано с большей одушевленностью и, следовательно, топиальностью R), однако при индирективном зависимом маркировании T гораздо чаще следует перед R.

Обсуждая широко распространенные внутриязыковые вариации типов оформления дитранзитивных конструкций, авторы противопоставляют альтернации (когда выбор конструкции зависит от семантических или прагматических факторов) и «расщепление» (split, когда выбор обусловлен грамматическими правилами либо самой глагольной лексемой). Наиболее известна и хорошо изучена так называемая «дативная альтернация», отмеченная в английском, а также в ряде генетически неродственных языков, ср. примеры (4a) и (4b) (с. 18). Факторы, определяющие употребление той или иной из альтернирующих дитранзитивных конструкций, могут быть связаны со степенью вовлеченности объектов в ситуацию, их относительной одушевленностью или дискурсивной выделенностью и т.п.

- (4) a. *Mary gave John a pen.*
 'Мери дала Джону (R) ручку (T)'
 (конструкция с двумя объектами).
 b. *Mary gave a pen to John*
 'т.ж.' (конструкция с прямым
 и косвенным объектами).

Наиболее частотные случаи «расщепления» в оформлении дитранзитивных конструкций связаны с противопоставлением личных местоимений и полных именных групп (например, местоимения могут кодироваться секундативно, а ИГ – индирективно), а также с относительной одушевленностью или топиальностью участников. Иными словами, факторы, определяющие «расщепления», сходны с факторами, релевантными для альтернаций; это неудивительно, поскольку «расщепле-

ния» – это обычно сильно грамматикализованные альтернации.

Отдельно в статье кратко обсуждаются такие более частные явления кодирования, как так называемое «лично-ролевое ограничение» (отмеченный во многих неродственных языках запрет на индексирование в случае T 1-го или 2-го лица и R 3-го лица, см. подробнее [Haspelmath 2004]) и супплетивизм глагола 'дать' в зависимости от лица R, см. подробнее [Comrie 2003].

Значительную часть статьи составляет фактически первый систематический типологический обзор синтаксических характеристик дитранзитивных конструкций и поведения их актантов в таких процессах, как пассивизация, антипассивизация, релятивизация, образование частных вопросов, рефлексивизация, реципрокализация, инкорпорация и инверсив. В области пассивизации отмечаются три типа: индирективный (пассивизируется лишь T, как в русском), секундативный (пассивизируется лишь R, как в суахили) и нейтральный (пассивизируются оба объекта, как в австронезийском языке туканг беси); авторы отмечают, что ограничения на пассивизацию связаны с базовой стратегией кодирования: так, индирективное оформление (вершинное либо зависимостное) обычно предполагает индирективную же пассивизацию. В отличие от пассивизации, антипассивизация как правило ориентирована на T независимо от стратегии оформления.

В области выражения кореферентности дитранзитивные конструкции демонстрируют интересное противопоставление между рефлексивизацией и реципрокализацией: первая чаще ориентирована на T ('отдать себя'), а вторая – на R ('отдать друг другу'). Эти тенденции, в ряде языков проявляющиеся в грамматических запретах, могут быть связаны с прагматическими особенностями соответствующих конструкций.

Процессы номинализации и инкорпорации имеют тенденцию к индирективности, т.е. к одинаковой трактовке T и R в противоположность R. В случае номинализации индирективность проявляется в том, какой аргумент меняет свое оформление на посессивное (ср. русск.: *сообщил новость* (T) *начальнику* (R) и *сообщение новости* (T) *начальнику* (R)), а при инкорпорации – в самой возможности применения этой операции к актанту: реципиенты, будучи обычно одушевленными и определенными, за редчайшими исключениями вообще не инкорпорируются. Напротив, употребление инверсивного маркирования, тесно связанное с иерархией одушевленности, в тех языках, где оно есть, почти всегда ориентировано на R, т.е. секундативно.

В качестве объяснения ряда тенденций в морфосинтаксическом поведении дитранзитивных конструкций А. Мальчуков с соавторами выдвигают следующий принцип «гармонии кодирования и поведения» (coding-behaviour harmony, с. 46–47): если операция, обычно

применяемая к Р, возможна для R в конструкции с индирективным кодированием, то она возможна и для Т, и, наоборот, если такая операция применима к Т в конструкции с секундативным кодированием, то она применима и к R. Схематически этот принцип отражен на рис. 2.

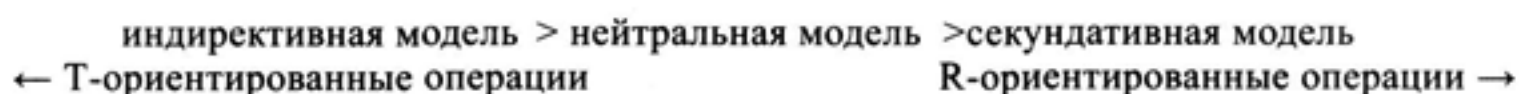

Рис. 2. Гармония кодирования и поведения

Заключительная часть вводной статьи посвящена межъязыковому варьированию дитранзитивных конструкций в области грамматической и лексической семантики; обсуждение лексики до сих пор нечасто встречалось в работах по грамматической типологии, и появление в рецензируемой книге этой тематики так же важно, как и не случайно: как уже говорилось выше, дитранзитивные конструкции существенно более лексически ограничены и одновременно вариативны, нежели имеющие куда более бедную семантику двухактантные переходные конструкции.

Во-первых, авторы обсуждают вопрос об открытых и закрытых классах дитранзитивных предикатов, отмечая, что, в частности, конструкции с нейтральным кодированием актантов («модель с двумя объектами») имеют тенденцию быть лексически ограниченными и что английский язык в этом отношении скорее исключение (даже на фоне германских языков). Во-вторых, в статье анализируются модели полисемии выступающих в дитранзитивных конструкциях показателей и строится семантическая карта области значений, связанной с реципиентом (ср. [Haspelmath 2003]; к сожалению, авторы не успели учесть уточнение этой карты, предложенное в статье [Rapold 2010]), ср. рис. 3.

Рис. 3. Семантическая карта области реципиента (с. 52)

Наконец, в-третьих, авторы предлагают семантическую карту дитранзитивных конструкций на основе лексических значений входящих в нее предикатов, см. рис. 4. Подобная карта позволяет «наложить» формальные типы конструкций на лексические значения и выявить типологические тенденции как в синхронном распределении показателей и синтаксических моделей, так и в их диахроническом развитии.

Обзорная статья А. Мальчукова, М. Хаспельмата и Б. Комри сжато, полно и непротиворечиво отражает все наиболее существенные аспекты и проблемы типологии дитранзитивных конструкций и полученные за последние десятилетия результаты их межъязыкового изучения, а также содержит основную библиографию и может служить прекрасным введением в эту тему, полезным как специалистам, так и студентам.

Приложенная к статье типологически ориентированная анкета для изучения дитранзитивных конструкций в конкретном языке содержит вопросы, касающиеся стратегий кодирования актантов (вершинного, зависимостного, порядка слов), возможных эффектов одушевленности, поведенческих особенностей конструкций (в том числе ряда вопросов «повышенной сложности», в частности сферы действия кванторов и различных синтаксических операций, традиционно рассматриваемых формальными моделями грамматики), а также лексико-семантических свойств глаголов и показателей, выступающих в дитранзитивных конструкциях.

Перехожу к краткому обзору составляющих основной массив сборника описательных статей. В основном, как уже было сказано, конкретно-языковые исследования выполнены в

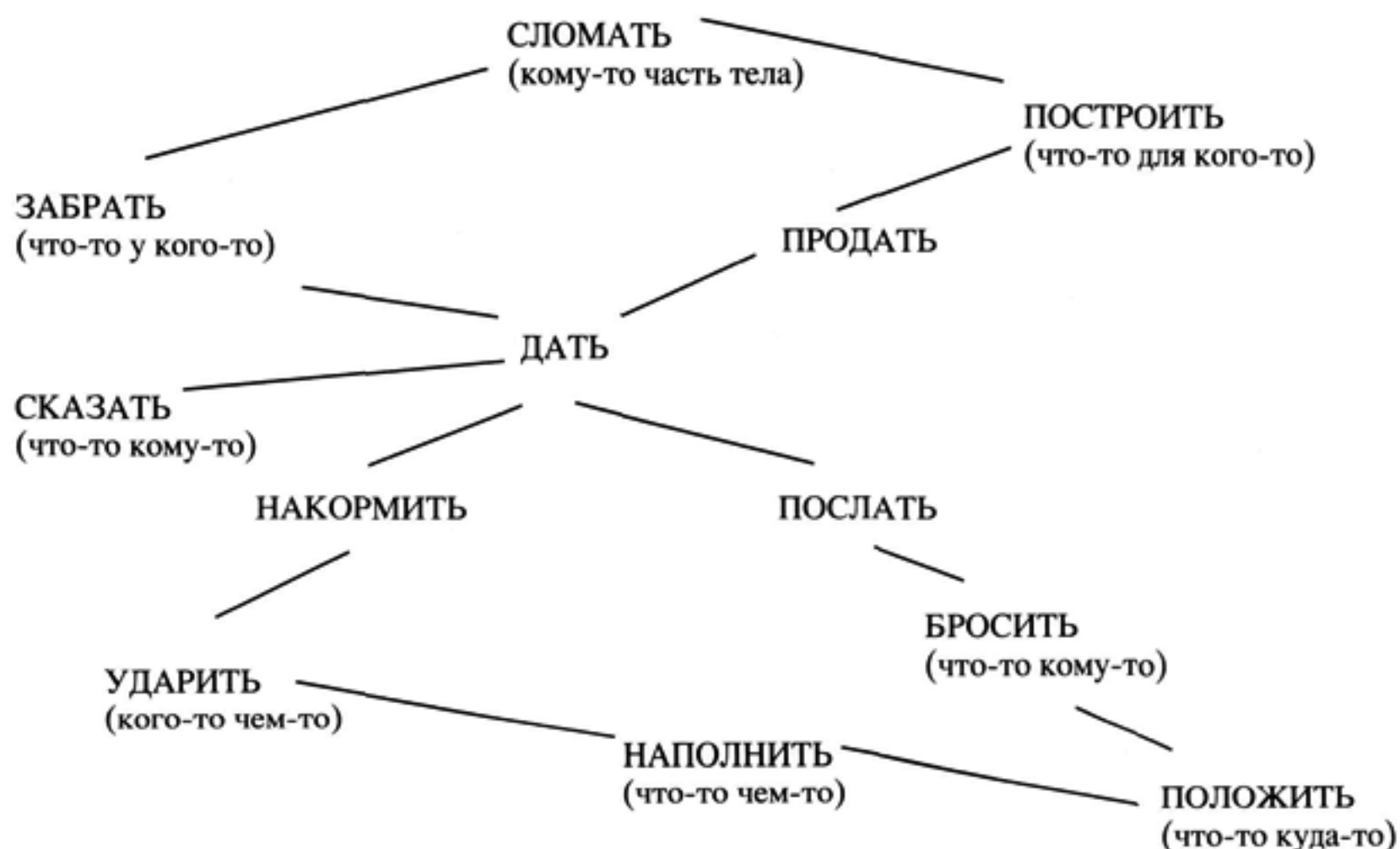

Рис. 4. Семантическая карта дитранзитивных конструкций (с. 55)

рамках, заданных вводной статьей, и опираются на разработанную редакторами анкету, хотя авторам и была предоставлена большая свобода в порядке и способе изложения материала.

Раздел, посвященный языкам Африки, содержит шесть статей. К. Кёниг и Б. Хайне анализируют данные койсанского языка !хунг (!Xun) и делают вывод о том, что в нем вообще нет дитранзитивных глаголов: предикат в этом языке может иметь не более двух синтаксических актантов, и третий участник, независимо от семантической роли, грамматически оформляется как сирконстант. При глаголе 'дать' в качестве объекта может выступать как Т, так и R, однако не оба одновременно. Статья Р. Шефера и Ф.О. Эгбохаре об эдоидном языке эмаи содержит тонкий сравнительный анализ поведения значительного числа глаголов, способных выступать в дитранзитивных конструкциях. В сравнительно короткой статье Ж. Атоеби, М. Хаспельмата и А. Мальчукова о языке йоруба сопоставляются несколько типов оформления дитранзитивных конструкций и их альтернации, а также строится семантическая карта трехактантных конструкций этого языка. В статье А.-К. Бассена об атлантическом языке дьола-баньял демонстрируется, что разные грамматические признаки следуют различным стратегиям (нейтральной, индирективной и секундативной). Также в этом разделе представлены статьи Д. Кресселя и Ж. Куадио о языке бауле группы ква и Г. Диммендаля о языке тима (центральный Судан).

Из семи статей о языках Евразии следует особо отметить работу М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой, в которой сравниваются дитранзитивные конструкции в языках восточно-кавказской семьи; яркое типологическое своеобразие этих языков состоит в формальном (с помощью различного падежного оформления R-актанта) противопоставлении между значениями 'Т поступает в постоянную собственность R' и 'Т передается R на время', которое обычно не выражается в языках мира грамматическими средствами. Интересно сравнить это противопоставление с наблюдающимся в тайском языке, где, согласно статье К. Тхепканьяна, выбор одного из трех типов оформления дитранзитивных конструкций зависит от лексической семантики глагола, значения конструкции (передача Т в распоряжение одушевленного R vs. простое перемещение Т к R) и ряда синтаксических и даже социолингвистических факторов. Э. Когхил в статье о новоарамейском диалекте телкепе описывает исключительно сложную «расщепленную» систему, где кодирование актантов дитранзитивных конструкций при помощи падежных показателей и глагольного согласования зависит от типа глагольной формы, противопоставления ИГ и местоимений, а также от определенности объектов. В тунгусо-маньчжурских языках (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова) также сосуществует несколько конструкций (нейтральная с двумя объектами в аккумулятиве, индирективная и др.), из которых наибольший

интерес представляет типологически редкая «дезигнативная» конструкция, в которой R кодируется как посессивное зависимое участника-T, оформленного особым дезигнативным падежом, выражающим «предназначенность» темы реципиенту, см. выше пример (3). Также в этом разделе представлены статья Д. Стило о западноиранском языке вафси, статья А. Нефёдова, А. Мальчукова и Э. Вайды о кетском языке и статья Б. Бикеля и девяти соавторов о тибетских языках чинтан и белхаре, в которой основное внимание уделяется сравнению поведения второго и третьего актантов в целом ряде трехаргументных конструкций.

Языки Австралии, Новой Гвинеи и Океании представлены в сборнике лишь четырьмя статьями, что не может не вызывать сожаления, учитывая беспрецедентное языковое разнообразие в этом регионе. М. Кламер в статье о «папуасском» языке тэва (о-в Пантар, восточная Индонезия) показывает, что здесь имеется единственный собственно дитранзитивный глагол 'дать', принимающий два объекта, а обычным способом образования дитранзитивной конструкции служит сериализация с помощью глагола 'прийти' (что типологически нетривиально, поскольку, согласно [Creissels 2010], реципиентно-бенефактивные сериализации чаще всего строятся на основе глагола 'дать'). С. Федден анализирует морфологические особенности дитранзитивных конструкций в полисинтетическом языке миан семьи ок (Папуа – Новая Гвинея) и предлагает диахронический анализ возникновения ряда особенностей этих конструкций. У. Мозель описывает сложную систему оформления дитранзитивных конструкций в австронезийском языке теоп (о-в Бугенвилль, Папуа – Новая Гвинея), на которую накладывается связанное с иерархиями одушевленности и тематичности противопоставление «первичного» и «вторичного» объектов. Э. Шульце-Берндт в статье о языке дямидюнг (изолят, Северная Австралия) особое внимание уделяет распространенной в неродственных языках этого региона стратегии «разделения» предиката на собственно лексическую часть и вспомогательный глагол, и в заключении статьи строит схему своеобразной классификации трехактантных ситуаций в этом языке.

Заключительный раздел книги содержит семь статей, посвященных языкам Америки. Особо хочется отметить подробнейшее описание морфосинтаксиса дитранзитивных конструкций в сэлишском языке халкомелем (статья Д. Гердтс, наиболее объемная в сборнике после вводной), грамматика которого организована вокруг категории «абсолютива» (в терминах М. Драйера – «первичного объекта»,

т.е. секундативного объединения Р и R). В языках оджибве (алгонкинская семья, Канада, статья Р.А. Роудза), итонама (изолят, Боливия, статья М. Кревелс) и мапудунгун (арауканская семья, Чили, статья Л.А. Гольюсио) важную роль в дитранзитивных конструкциях играет инверсив, маркирующий случай, когда агенс находится ниже реципиента в иерархии одушевленности. Язык мапудунгун интересен также активным использованием аппликативных дериваций и наличием двух глаголов 'дать': трехвалентного ('дать что-то кому-то') и двухвалентного ('отдать что-то'). Нетривиальность грамматической системы отомангского языка тлапанек (Мексика) нелегко оценить по достоинству из-за недостаточно ясного изложения автора статьи С. Вихмана (в качестве курьеза отмечу также, что библиография к этой статье содержит лишь работы самого автора). Также в этот раздел включены статьи О. Мияока об эскимосском языке юпик (Аляска) и Э. Кэмпбелл об атабаскском языке хупа (Калифорния).

Сборник содержит указатели имен, языков и терминов, а также список сокращений. Опечатки в книге минимальны, хотя можно отметить, например, что спутана нумерация примеров на с. 369.

В целом рецензируемый сборник, вне всякого сомнения, является важной вехой не только в изучении дитранзитивных и трехактантных конструкций, но и вообще в развитии типологии, демонстрируя как достигнутые лингвистикой стандарты детального описания материала самых различных языков, так и уровень междисциплинарных обобщений. Отдельно подчеркну в качестве особенного достоинства этой книги повышенное внимание ее авторов и редакторов к лексической семантике и ее взаимодействию с грамматикой. Сборник «Исследования по дитранзитивным конструкциям», как и целый ряд других публикаций, подтверждает лидирующее положение Лейпцигской типологической группы из Института эволюционной антропологии им. Макса Планка в этой активно развивающейся области лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик 1979 – А.Е. Кибрик. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
- Храковский (ред.) 2009 – В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Amberber 2009 – M. Amberber. Differential case marking of arguments in Amharic // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford, 2009.

- Austin, Margetts 2007 – *P. Austin, A. Margetts*. Three participant events in the languages of the world: towards a crosslinguistic typology // *Linguistics*. V. 45. 2007. № 3.
- Comrie 1978 – *B. Comrie*. Ergativity // *W.P. Lehmann (ed.)*. Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language. Austin; London, 1978.
- Comrie 2003 – *B. Comrie*. Recipient person suppletion in the verb 'give' // *M.R. Wise, Th.N. Headland, R.M. Breda (eds.)*. Language and life: Essays in memory of Kenneth L. Pike. Dallas, 2003.
- Creissels 2010 – *D. Creissels*. Benefactive applicative periphrases: A typological approach // *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.)*. Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Croft 1990 – *W. Croft*. Typology and universals. Cambridge, 1990.
- Dryer 1986 – *M.S. Dryer*. Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language*. V. 62. 1986. № 4.
- Fillmore 1968 – *Ch. Fillmore*. The case for case // *E. Bach, R.T. Harms (eds.)*. Universals in linguistic theory. New York, 1968 (русск. пер.: Филлмор 1981/1968 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // *В.А. Звегинцев (ред.)*. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981).
- Gensler 2003 – *O. Gensler*. Object ordering in verbs marking two pronominal objects: Non-explanation and explanation // *Linguistic typology*. V. 7. 2003. № 2.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello (ed.)*. The new psychology of language. V. II. Mahwah (NJ), 2003.
- Haspelmath 2004 – *M. Haspelmath*. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach // *Constructions*. V. 2. 2004. (<http://www.constructions-online.de/articles/35>)
- Haspelmath 2005a – *M. Haspelmath*. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic discovery*. V. 3. 2005. № 1. (<http://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/2/xmlpage/1/article/280>)
- Haspelmath 2005b – *M. Haspelmath*. Ditransitive constructions: The verb 'give' // *M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.)*. The World atlas of language structures. Oxford, 2005. (<http://wals.info/chapter/105>)
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. V. 86. 2010. № 3.
- Haspelmath 2011 – *M. Haspelmath*. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. Manuscript. 2011. (<http://eva-mpg.academia.edu/MartinHaspelmath/Papers/>)
- Heine, König 2010 – *B. Heine, Chr. König*. On the linear order of ditransitive objects // *Language sciences*. V. 32. 2010.
- Kittilä 2005 – *S. Kittilä*. Recipient prominence vs. beneficiary prominence // *Linguistic typology*. V. 9. 2005. № 2.
- Kittilä 2006a – *S. Kittilä*. The anomaly of the verb 'give' explained by its high (formal and semantic) transitivity // *Linguistics*. V. 44. 2006. № 3.
- Kittilä 2006b – *S. Kittilä*. Object-, animacy- and role-based strategies: A typology of object marking // *Studies in language*. V. 30. 2006. № 1.
- Kittilä 2006c – *S. Kittilä*. The woman showed the baby to her sister: on resolving animacy-driven ambiguity in ditransitives // *L. Kulikov, A. Malchukov, H. de Hoop (eds.)*. Case, valency and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Kittilä 2008 – *S. Kittilä*. Animacy effects on differential goal marking // *Linguistic typology*. V. 12. 2008. № 2.
- Rapold 2010 – *Chr.J. Rapold*. Beneficiary and other roles of the dative in Tashelhiyt // *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.)*. Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Siewierska 2003 – *A. Siewierska*. Person agreement and the determination of alignment // *Transactions of the philological society*. V. 101. 2003. № 2.
- Siewierska 2004 – *A. Siewierska*. Person. Cambridge, 2004.
- Siewierska, Bakker 2007 – *A. Siewierska, D. Bakker*. Bound person forms in ditransitive clauses revisited // *Functions of language*. V. 14. 2007. № 1.
- Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010 – *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.)*. Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies. Amsterdam; Philadelphia, 2010.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН
peterarkadiev@yandex.ru